Содержание

Введение 4

Глава 1. Человек в истории: историко-философские традиции и новации 18

Глава 2. Новый антропологический Ренессанс и феномен «человека исторического» 36

Глава 3. «Новые истории»: от междисциплинарности к претензиям на статус парадигмы 73

Глава 4. «Человек исторический»: грани и этапы трансформации 112

Заключение 154

Глоссарий 157

Библиография 159

Введение

Каждое поколение открывает для себя свои горизонты, заявляя об их «новизне» ...однако, эти перспективы могут быть расширены, а притязания на новизну умерены, если опереться на знания предшественников (или пренебречь ими).

Дональд Келли, американский политолог[1]

Современный сдвиг в системе социальных и гуманитарных наук связан с рядом новых тенденций в развитии знания о человеке и обществе:

• во-первых, с поисками нового «лидера», воспринимаемого в качестве методологического образца для других дисциплин. После долгого периода доминирования теологии эпоха Возрождения выдвинула на первые позиции механику, а промышленный переворот XIX столетия определил лидерство физики. С середины XX в. на лидерство в объяснении мира и человека стали претендовать сначала химия, а затем биология, чья роль проявилась в открытии функциональной асимметрии человеческого мозга и расшифровке структуры генетического кода. Именно на базе биологии сложилась теория систем, оказавшая глубочайшее влияние на другие науки, включая философию. И наконец, в конце XX столетия активизировались споры о ведущей роли социальных и гуманитарных наук в развитии человеческого знания и практики. Претензии на лидерство подкреплялись рядом открытий, связанных с применением к анализу социальной реальности теорий систем и информации, кибернетики и синергетики (см.: [Каган, 2001. С. 9–11]);

• во-вторых, с осознанием того, что для понимания сверхсложности системы «человек» (в его биологическом, социальном и культурном измерениях) необходима методология сопряжения социогуманитарного знания в единый комплекс «наук о человеке». Выработка теории знания о Человеке призвана возвестить о возвращении Субъекта истории. Заметим, что значимый историографический прорыв произошел именно в сфере междисциплинарного синтеза. Например, заимствованная из области политических наук методика сценарного

[1] [Kelley, 1987. P. 169].

прогнозирования выстраивает исторический опыт в обратной перспективе. Сценарии, заменившие собой законы, привнесли в интерпретацию исторического процесса меньшую детерминированность и более высокую степень вариативности[2]. Если до середины XX столетия применение междисциплинарного подхода для историков было, скорее, редкостью, то во второй половине века это стало массовым явлением. Если до 1950-х годов историки обращались, главным образом, к географии, социологии, психологии и экономике, то в 1960–1980-х годах приоритет в междисциплинарных контактах был отдан антропологии, демографии и лингвистике [Репина, 1990. С. 170][3];

• в-третьих, с формированием антропоцентристской ориентации познавательной деятельности. Вопрос феномена человека в XX в. стал центральным (подробнее по этому вопросу см. главу 2)[4];

• в-четвертых, с попытками определения места и роли национальных социально-гуманитарных наук (в том числе российской), долгое время находившихся на периферии мировой гуманитаристики, в научном пространстве Запада [Савельева, 2010. С. 7, 18];

• в-пятых, с многочисленными, сменяющими друг друга «поворотами» (антропологическим, лингвистическим, прагматическим, иконическим, медиальным, перформативным и проч.) последней трети XX столетия (подробнее об этих «поворотах» см. главу 3)[5];

• в-шестых, с постмодернистским вызовом[6], а со второй половины 1990-х годов — с отходом от наиболее радикальных лингви-

---

[2] Идея необходимости набора интерпретаций для понимания сложного явления заимствована гуманитариями у датского физика-теоретика Нильса Бора (1885–1962).

[3] Более подробно о концепции интердисциплинарности и перспективах создания в рамках интеллектуальной истории нового раздела — истории интердисциплинарности — см.: [Репина, 2011. С. 25–60].

[4] Заметим, что в предисловии редакционной коллегии к сборнику материалов Всесоюзной школы молодых историков обращение к человеку в истории было названо «непротиворечивой историей» (см.: [Человек и его время, 1991. С. 3]).

[5] Можно только подчеркнуть их взаимосвязь. В частности, «лингвистический поворот» в историографии с его акцентированием представлений состоит в родстве с современной постмодернистской социологией. Для последней, в свою очередь, характерна проблематизация категории «повседневность», что, с одной стороны, выражается в ее экстраполяции на сферу социального, а с другой — в понимании самой социологии как особой повседневной практики.

[6] Основные теоретические принципы и методологические установки «постмодернистской парадигмы» были изложены в книге калифорнийского историка Хайдена Уайта «Метаистория» (1973). В то время постмодернистский дискурс показался адекватным в описании «лоскутного» переходного характера цивилизации, хаоса меняющихся форм и ценностных систем, разрывов и трансформаций.

стических и культуралистских позиций. Рубежным в этом плане стал 1995 г., что отразили дискуссии на Историческом конгрессе в Монреале (август 1995 г.), в ходе которых звучали предостережения против излишнего увлечения «культурно-символической антропологией». На страницах юбилейного номера журнала «Американское историческое обозрение» (1995. № 100) бывший адепт «лингвистического поворота», американский философ, историк и литературовед Доминик Ла Капра (р. 1939) заметил, что доведенные до логического конца взгляды постмодернистов неминуемо приведут к признанию того, что «не существует ничего и в самом тексте». В этом же ряду — изданный в 1995 г. под руководством основателя Института современной истории Франсуа Бедарида (1926–2001) коллективный труд «История и специальность историка во Франции, 1945–1995» (подробнее по этому вопросу см.: [Патрушев, 2000]);

• в-седьмых, с резким расширением в среде историков интереса к истории культуры, исторической антропологии и проблемам современности.

Сегодня для подавляющей массы исследователей все более очевидной становится неспособность социальных и гуманитарных дисциплин понять прошлое по отдельности. Они могут сделать это только вместе. Хотя история науки свидетельствует об отсутствии единого для всех отраслей научного знания вектора развития. С одной стороны, их развитие подчиняется внутренней логике, а с другой — научные дисциплины по-разному реагируют на внешние стимулы. Например, для технических наук ведущим стимулом выступает производство, для естественных — базовые потребности человека, для общественных — социальные проблемы, а для гуманитарных — познание человека. Но в силу того, что социум является сложной самоорганизующейся системой, его исследование со всей неизбежностью требует «сетевого» принципа организации научного пространства. Другими словами, проблемы трансформации исторической науки тесно связаны с ходом развития научного знания вообще и гуманитаристики в частности.

Именно на стыках различных дисциплин рождались разные (в территориальном и содержательном плане) направления и школы «новой истории», одним из ведущих эпистемологических принципов которых стал акцент на «тотальности» истории, учитывающий

все многообразие социальных практик, ставящий в центр исторической реконструкции «рядового» человека и манифестирующий мультикультурность мира. Именно в рамках данного направления отстаивается необходимость междисциплинарности наук о человеке при определяющей роли истории.

В современных междисциплинарных исследованиях концепт человека представлен в трех аспектах, первый из которых определяется принадлежностью человека к социальным, политическим, правовым, религиозным и прочим общественным институтам. Второй аспект представлен обусловленными интеллектом и ценностями формами (языковой, информационной, образовательной, психосоматической и др.) включения человека в социальность. И наконец, третий аспект презентует рефлексирующего человека в поисках себя посредством текстов (см.: [Человек вчера и сегодня.., 2007]). В рамках данного исследования «человек исторический» понимается как деятельный и творческий субъект исторического процесса, включающий все вышеуказанные аспекты собственного становления.

Однако на пути интеграции человековедческих и обществоведческих наук существует немало препятствий. Прежде всего инкорпорация новых теорий в гуманитарных науках сталкивается с проблемой культурной и дисциплинарной дистанции. Нередко это вызывает не только некритические заимствования модных теорий, но и, что более существенно, методологический эклектизм и использование исследовательских техник без учета соответствующего концептуального аппарата [Савельева, 2010. С. 13, 16]. Кроме того, поворот филологов, антропологов и историков к тематике социальных противоречий, иерархий и неравенств в культуре пока недостаточно поддерживается тенденциями по «культуризации» социальной теории[7]. Не преодолено до конца увлечение постмодернистскими теориями с их утверждениями о тексте как единственной реальности, по определению французского философа, культуролога и литературоведа Жака Деррида (1930–2004). Впрочем, не стоит игнорировать выводы постмодернистов о невозможности рассматривать действительность независимо от языка. Другое дело, что язык представляет интерес не

[7] МАГия науки // Государственный университет — Высшая школа экономики. <http://www.hse.ru/news/recent/24588110.html>.

сам по себе, а в качестве посредника между текстом и реальностью. Кроме того, язык является неотъемлемым элементом памяти о прошлом. Через него опосредуются эмоциональное и этическое поведение людей, менталитет и психология. Но язык не только хранит информацию, он еще участвует в формировании мировоззрения. Через него осуществляется передача социального опыта, культурных норм и традиций. Универсальность языка по сравнению с другими знаковыми системами, генетическими кодами и матрицами поведения, памятниками культуры и истории позволяет ему описывать мир как целое, в том числе индивидуальный опыт людей и коллективов [Соколов, 2002. С. 338].

И еще одно немаловажное обстоятельство. Мы наблюдаем процесс гуманитаризации естественного знания: например, проникновение в физику идей герменевтики или формирование биоэтики[8] — науки о нравственной стороне жизнедеятельности, призванной перекинуть мост между точными и гуманитарными науками. Но даже сегодня многие естественники склонны отказывать гуманитаристике в праве быть идентифицированной в качестве науки. Со своей стороны, историческое сообщество (как, впрочем, и другие профессиональные группы) настороженно относится к проникновению на свое научное пространство представителей других отраслей знания, особенно естественных и точных наук. Внедрение в сферу исторического (и в целом — гуманитарного) знания инструментария точных наук вызывает у ряда ученых опасения, что ценой обретения гуманитарными науками прикладного характера станет потеря ими гуманитарности.

Сегодня определение «новое» применяется почти ко всем направлениям исторического, антропологического и иного социогуманитарного знания. Оно превратилось в модную визитную карточку и неотъемлемый бренд исследовательского направления. Все это заставляет критически взглянуть на так называемые новые истории и другие отрасли гуманитарного знания, претендующие на «новизну». В частности, термин «новая история» еще в конце XIX — начале XX в. активно использовали немецкий историк Карл Лампрехт (1856–1915) и французский философ и социолог Анри Берр (1863–

[8] Термин был впервые предложен американским онкологом и биохимиком Ваном Поттером (1911–2001) в 1971 г. в работе с одноименным названием.

1954). 1960–1970-е годы стали временем «реинкарнации» «новой истории» — сначала в США, а затем во Франции, где ряд историков третьего поколения школы «Анналов» вернули это понятие в широкий научный оборот[9]. По мнению испанского историка Игнассио Олабарри, помимо школы «Анналов», определение «новая история» применимо к неомарксистской историографии, сформированной под сильным влиянием американской «социальной научной истории»; работам группы историков, сплотившихся вокруг британского журнала «Past and Present»[10], и немецкой «билефельдской школе» (Gessellschaftsgeschichte) [Олабарри, 2004].

Развитие современного знания демонстрирует две противоположные, на первый взгляд, тенденции. С одной стороны, возрастает специализация различных научных дисциплин и стремление к ликвидации внутридисциплинарной деривации. С другой стороны, очевидна уже упомянутая нацеленность на интеграцию с иными дисциплинами и стремление к новому научному синтезу. Наблюдающийся эпистемологический взрыв способствует выработке открытой для широкого использования (прежде всего, социогуманитарными дисциплинами) междисциплинарной «теории знания о Человеке» как некой «надметодологии», дающей возможность выходить за узкодисциплинарные рамки. Тем самым в рамках новой историографической культуры формируется новый тип рефлексивной истории. Кроме того, полидисциплинарность дает не только значительное расширение эпистемологических границ теории, но и возможность концептуализации характеристик исторического знания, полученного с помощью дискурса разных социогуманитарных дисциплин[11].

---

[9] Под «новой историей» Жак Ле Гофф, Пьер Нора, Роже Шартье и Жак Ревель понимали все, что не является «традиционным», т.е. связанным с научной традицией XIX в. (см.: [La nouvelle histoire, 1978]).

[10] Концепция журнала, основателями которого стали Лоуренс Стоун и Джон Х. Элиот, представляет собой смесь идей неомарксизма и школы «Анналов».

[11] Американский историк Даниэл Филд обратил внимание, что под термином «дискурсия» или «дискурс» (от *фр*. discours — речь, беседа) на Западе чаще всего понимается цельная словесно-идеологическая система, отражающая нужды и чаяния определенной социальной группы (см.: [Современные концепции аграрного развития, 1996. С. 139]). Хотя в переводе с латыни данный термин означает «челнок», что лучше передает характер взаимоотношения через язык авторской мысли и текста. Согласно мнению Джона Фиске, «дискурс есть язык <...> сформированный обществом в целях распространения связного набора смыслов по поводу определенной темы» (см.: [Fiske, 1987. P. 14]).

***

Объектом исторического исследования выступает человек, природа и поведение которого разнообразны и могут быть рассмотрены в разных ракурсах. Более того, в современной философии историчность становится существенной характеристикой реальности как таковой. Ведь человек может быть понят только посредством изучения исторического процесса. В силу вышесказанного, воссоздание картины современного гуманитарного знания о человеке как субъекте исторического процесса предусматривает определенный набор исследовательских задач:

• во-первых, описание основных теорий философии истории в контексте «человеческого измерения истории»;

• во-вторых, прослеживание ведущих тенденций развития и взаимодействия исторической антропологии, исторической психологии, исторической социологии и других социальных и гуманитарных дисциплин;

• в-третьих, реконструкцию основных направлений «новой исторической науки» с целью выявления общих принципов и возможностей интеграции. Тогда как в современной историографии больше внимания уделяется отличиям и новациям в подходах среди гуманитариев, нежели сходствам и преемственности их теоретических позиций и исследовательских практик.

Характер исследования определяет специфический методологический инструментарий, включающий:

• теорию действия французского философа-постструктуралиста и социолога Пьера Бурдьё (1930–2002)[12];

[12] Для Бурдьё любое действие индивида происходит в социальном пространстве, которое, в свою очередь, одновременно существует как совокупность индивидов и практик, с помощью которых индивиды организуют это пространство. Для обозначения практик, понимаемых как неосознанное поведение, подчиняющееся правилам, воспринятым из внешней среды в процессе активного взаимодействия с нею, социолог ввел понятие «габитус» (от *лат*. habitus — внешность, наружность). Габитус является одновременно продуктом предыдущих практик, средством управления поведением индивида в обыденных ситуациях и средством, изменяющим и упорядочивающим внешнюю среду. Он существует вне индивида и при этом включен в его сознание. Но действие человека подчинено габитусу не полностью, так как выступает продуктом взаимодействия габитуса, задающего границы поведения, и различных событий.

• «интерпретативную» («символическую») антропологию американского антрополога и социолога Клиффорда Гирца (1926–2006)[13];

• социальную морфологию французского этнографа и социолога Марселя Мосса (1872–1950)[14];

• экзистенциалистское понимание человека в его искусственности и конечности, благодаря чему человек открыт в бытие, которое, в свою очередь, может в нем проявиться, и оказывается возможностью, замыслом и, что для нас важно, **историчностью**;

• широкий сравнительно-исторический (компаративистский) контекст;

• трансдисциплинарный подход, сочетающий в себе традиционные формы дисциплинарного научного знания с широким спектром знаний обыденного, коммуникативного, личностного и иных видов социального опыта (см.: [Киященко, Моисеев, 2009]). Так, в современной отечественной социологии, изучающей процессы взаимодействия личности и общества, помимо марксистской традиции, структурно-функционалистского направления и феноменологического подхода, наметились «мультипарадигмальные» подходы (например, универсумная теория[15] В.Г. Немировского, системная социология А.А. Давыдова, изучение социального бессознательного З.В. Сикевич, синергетическое направление и др.) [Немировский, Невирко, 2008. С. 32–33].

Конечно, задача преодоления междисциплинарных барьеров и интеграции научного знания была поставлена еще в рамках неклассической социологии, но окончательно социальная наука освобождается от монопредметности и узкодисциплинарности только в рамках

---

[13] Предметом научного интереса Гирца выступали символические аспекты коллективных действий — обычаев, ритуалов, праздников и социальных движений — в их связи с «этическим» отношением к миру. Он понимал культуру как символическую сеть («паутину значений»), а существование культуры — как процесс ее интерпретации и контекст понимания. Интерпретативный анализ опирается на поток социального дискурса в конкретных контекстах и непосредственно идентифицируется с установлением социальной и культурной компетенции в инокультурной обстановке.

[14] Мосс, известный своими трудами о социальном феномене дарения и культурных «техниках тела», стал автором концепции «тройственного человека» в единстве его биологических, психологических и социальных особенностей. Именно такой «тотальный» человек должен стать предметом «синтетического» человекознания.

[15] В рамках этой теории социум рассматривается в единстве его природно-космических связей и измерений.

постнеклассической науки, утверждающей онтологический плюрализм и гносеологический релятивизм [Резник, 2000. С. 72–73]. Для постнеклассической социологии характерно не только обращение к культурно-философской традиции и стирание междисциплинарных различий с социогуманитарными науками, но и синтез социогуманитарного и естественно-научного знания, и включение современных направлений системного анализа (синергетики, диатропики (науки о разнообразии), фрактального подхода[16] и др.). Кроме того, постнеклассическая социология, наряду с рациональными ценностями, обращает внимание на «ценностные переживания» и массовое бессознательное. Выдвигая на первый план не столько социальность человека, сколько его духовность (способность к творчеству и стремление к высшим ценностям), постнеклассика рассматривает социальную реальность как отражение реальности духовной [Немировский, Невирко, 2008. С. 86–87, 90–91, 97].

Трансперсональные подходы, характерные для неклассического этапа развития науки, набирают силу и в психологии. В первую очередь, это касается изучения трансперсональных переживаний, т.е. переживаний, в которых чувство самотождественности выходит за пределы индивидуальности, охватывая человечество в целом, жизнь, дух, космос и связанные с ними явления (см., например: [Майков, Козлов, 2004; Нэвилл, 2001]). Анализ современного состояния психоанализа с позиций «метапсихологии» позволяет обнаружить корреспондентность современных школ различным философским течениям, и прежде всего герменевтике, феноменологии и «философии диалога» (см.: [Старовойтов, 2004]).

В современной российской философии актуализируются аксиологические подходы к жизни[17], основанные на различных мировоз-

[16] Понятие «фрактал», введенное французским математиком Бенуа Мандельбротом (1924–2010), обозначает нелинейную структуру, сохраняющую самоподобие при неограниченном изменении масштаба. Согласно этому подходу, индивиды взаимодействуют между собой по типу резонанса, а человек как микрокосмос несет в себе потенциальное множество личностей и представляет собой Вселенную в миниатюре.

[17] Сегодня аксиология как философская дисциплина, занимающаяся исследованием ценностей как смыслообразующих оснований человеческого бытия, все больше разворачивает философское и социогуманитарное знание к анализу «человеческого в человеке». В результате этого *история* предстает как «генетическое дедуцирование» ценностей, *социология* — как репрезентация типов и иерархий ценностных систем, а *культурология* — как целостный *анализ* автономных культурных образований.

зренческих программах, включая религиозные взгляды на ценность живой природы. При этом особое внимание уделяется исследованию ценности жизни в социокультурном аспекте (см.: [Жизнь как ценность, 2000]). Рассмотрение методологических, гносеологических и онтологических проблем исторической науки позволило не только сформулировать основные антиномии исторического знания, но и выделить возможные подходы к интерпретации исторической реальности [Блюхер, 2004]. Кроме того, в философии истории, как и в исторической науке, обнаруживается общее стремление ответить на вопросы о духовно-нравственном смысле исторического процесса, путях реализации человека в истории и возможностях обретения общечеловеческого единства.

В связи с вышесказанным следует вернуться к вопросу о причинах усилившихся в конце XX в. сомнений в состоятельности исторической науки, которая на протяжении XIX–XX столетий занимала ведущие позиции в гуманитарном знании и претендовала на статус парадигматической науки о человеке [Копосов, 2001. С. 17–18]. Уверенность в способности обогащать все остальные дисциплины, определявшая до недавнего времени историческую ориентацию западной гуманитаристики, была поставлена под сомнение в последней трети XX в. «лингвистическим поворотом» и «постмодернистским вызовом», за которыми последовал затяжной эпистемологический кризис[18]. Смысл истории как отрасли знания был «обнаружен» не в способности познать прошлое, а в умении о нем рассказать в нужном ключе, в силу чего история все большим числом исследователей (особенно за пределами исторического цеха) стала восприниматься не как наука, а как особая культурная практика и, следовательно, продукт творчества своих создателей [Ankersmit, 1989. P. 139]. Один из столпов постмодерна философ и теоретик литературы Жан-Франсуа Лиотар (1924–1988) обозначил программу постмодерна как недоверие к метарассказам и своеобразный вызов основам современного мира, которые «объясняет» и оправдывает история [Лиотар, 1998. С. 10].

[18] См., например: [Harlan, 1989. P. 881]. Однако вспомним, что если в переводе с греческого слово «кризис» означает «суд», то на китайском языке это понятие означает «открывающуюся возможность». Последнее толкование более отвечает современному — синергетическому — пониманию кризиса как поля открывающихся новых возможностей.

Лейтмотивом постмодернизма стала идея французского социолога, этнографа и культуролога Клода Леви-Стросса (1908–2009), отождествляющая структуры культуры и языка. При этом в отличие от структурализма, стремившегося выявить некую универсальную бессознательную праструктуру, для постструктурализма характерен интерес к неструктурным и неструктурированным компонентам. Согласно апостолу постструктурализма Мишелю Фуко (1926–1984), главная цель «археологии знаний» — изучение исторически изменяющихся систем познания и культуры (эпистем) на основе языка, психологии и психоанализа, где базовое — отношение слов и вещей, выражаемое в форме речевых практик (дискурсов). В центре внимания оказываются отношение к власти и социальная обусловленность исторического познания. Кроме того, упор делается на то, что в истории играют роль не только закономерности, но и случайности — безумие и различные социальные аномалии (см.: [Фуко, 1995; 1996а; 1997]).

Вывод об отсутствии объективной реальности прошлого и существовании только одной данности — текста — соседствовал с заключением о множественности смыслового его прочтения. Другими словами, постмодернистский подход представляет собой деконструкцию текста через «я» исследователя, предусматривающую диалог с познаваемым субъектом[19]. Принципом познавательной деятельности становится субъективизм, в силу чего на смену идеологии текста приходит его «безличная» природа, понимаемая как архетип «коллективного бессознательного». Применительно к истории это ведет к отказу от ее понимания как смыслообразующего процесса, взамен чего предлагается неопределенная категория «становление» [Юрганов, 2001. С. 41–42].

В литературе отмечаются два момента, выделяющие постмодернизм из общей когорты феноменологических и герменевтических дисциплин, стремящихся установить смысл социальных текстов. Это, во-первых, трактовка проблемы отношений между субъектом и доступными ему средствами самовыражения (дискурсами) и, во-вторых, понимание взаимосвязи между дискурсами и способностью

[19] Суть подобного подхода английский социолог польского происхождения Зигмунд Бауман характеризовал как переход «от законодательного разума к интерпретирующему» (цит. по: [Пржиленский, 2005]).

устанавливать и поддерживать существование различного рода иерархий [Ушакин, 1996. С. 135]. Постмодернистский проект с его разочарованием в глобальных историко-теоретических построениях и недоверием в отношении «метарассказов» содействовал не только фрагментации исторического знания, но и отказу от представлений о едином историческом пространстве. Отвергалась сама возможность проследить связи между историческими событиями. Одновременно с критикой накопленного знания наблюдались попытки новой интерпретации исторической реальности, когда на первый план выходили ранее считавшиеся несущественными события и детали. Постмодернисты в числе прочего предложили заменить историю «сверху» историей «снизу», осуществлять своеобразный исторический синтез на микроуровне общества и «олитературить» историю, в том числе повседневную и т.п. [Соколов, 1999. С. 66, 75].

Отчасти относительность исторического знания предопределена «исходной многозначностью трех основных компонентов исторического исследования: исторического факта, исторического источника и метода исторического исследования» [Репина, Зверева, Парамонова, 2004. С. 4]. Кроме того, события XX столетия и изменение роли науки актуализировали противопоставление между жизнью как объектом познания и наукой (прежде всего, историей) как средством познания, в силу внутренних условий своей организации, не способной познать все многообразие жизни [Кнабе, 1994. С. 249–250]. Свою роль в кризисе исторического знания сыграло и интенсивное развитие во второй половине XX столетия когнитивных наук, и прежде всего психологии, лингвистики и искусственного интеллекта. Именно в них упор делается на изучение процессов интеллектуального творчества, форм языка, письма и речи, вербальных и невербальных текстов. В частности, под влиянием произошедшей в 1950-х годах когнитивной революции, среди психологов все большую популярность стал приобретать взгляд на врожденный характер свойств разума, слабо обусловленных социальной средой. В силу такого подхода гуманитарное и социальное знание, как и любое другое, не рассматривается как производное от исторических условий, а история трактуется как проекция человеческого разума.

Однако сохранило позиции и понимание истории как части социального сознания и элемента политико-идеологических пред-

ставлений. Уверенность в том, что без истории невозможно формирование социальной идентичности и представлений о своих перспективах, ведет к тому, что исторический опыт презентуется как результат не только рационального осмысления прошлого, но и его интуитивного и эмоционального восприятия. Именно стремление выстроить диалог философов и историков вокруг концепции опыта, не сводимого только к дискурсу (так называемая «средняя позиция») определило одну из тенденций развития историографии со второй половины 1990-х годов.

Сегодня наиболее четко концепция «феномена человека» и возрождение антропологического синтеза для его познания представлены в рамках когнитивной истории. Об этом направлении более подробно будет сказано дальше. Пока ограничимся констатацией успешности попытки в рамках когнитивной истории преодолеть разрыв естественных и гуманитарных наук, определить смысл познания и выстроить критерии доказательности познания, создать интегральную концепцию «человека исторического» (см.: [Медушевская, 2010б; 2010а; «Круглый стол» по книге О.М. Медушевской, 2010. С. 131–166]).

В связи с вышесказанным хочется указать, что данная работа не претендует на тотальность историографического обзора (тем более, что мы являемся свидетелями настоящего бума новых концепций, направлений и жанров). Учитывая общую направленность социогуманитарного (а не только исторического) знания на междисциплинарность, можно только догадываться о возможном числе комбинаций методов и предметных полей постоянно разрастающихся дисциплин и субдисциплин. Кроме того, автор не ставил своей целью стать «отцом-основателем» очередного «нового» направления. Задача данного исследования намного скромнее — дать обзор (по возможности аналитический) современного (с необходимыми экскурсами в историю) знания о человеке как объекте и, самое главное, субъекте исторического процесса. У читателя может сложиться впечатление, что автор в ряде случаев сознательно или бессознательно уклоняется от четких оценок преимуществ и недостатков того или иного подхода. Но это также не входило в его задачу. Наоборот, он стремился увидеть в каждом направлении, школе или концепции общий вектор развития человекознания от дисциплинарной замк-

нутости к диалогу. Ведь ценность любого концептуального построения состоит в открытии не только новых «залежей», но и новых возможностей для интерпретации имеющихся «сырьевых ресурсов» [Репина, 2011. С. 162]. Исходя из общего принципа о возможности «сравнения сравнимого», автор выбрал в качестве центральной точки столкновения научных (и околонаучных) теорий «человека исторического», под которым понимается деятельный и творческий субъект истории как процесса обретения смысла существования Человека.

Глава 1

Человек в истории: историко-философские традиции и новации

Философы часто заблуждаются, считая, что история им не нужна.

Иммануил Кант, немецкий философ

Те историки, которые и сегодня пытаются обойтись без философии истории, напоминают нудистов, тщетно и цинично стремящихся воссоздать райские кущи Эдема в наших садовых пригородах.

Эдвард Карр, британский историк[1]

Сложившаяся в XVIII в. как особый раздел философии и конституировавшаяся как автономная дисциплина в работах немецкого историка культуры Иоганна Гердера (1744–1803) философия истории представляла собой философскую интерпретацию исторического процесса. В настоящее время перечень основных задач философии истории значительно расширился и включает:

1) выявление обобщенной схемы процесса развития истории;

2) анализ общих форм протекания истории;

3) изучение главных факторов исторической эволюции;

4) исследование смыслообразующих факторов исторического процесса, его направлений и целей;

5) прогнозирование ведущих тенденций будущего развития человека и человечества;

6) анализ предмета исторической науки [Ирвин. С. 32].

Сегодня, несмотря на периодически обостряющуюся полемику, все больше ощущается необходимость тесного взаимодействия философии истории и собственно истории в решении этих и других задач. Мешают этому в первую очередь претензии обеих отраслей

[1] [Карр, 1969. С. 24].

гуманитарного знания на главенствующую роль в теоретическом осмыслении исторического процесса. Еще в 1960-е годы философы застолбили за собой преимущественное право теоретического осмысления исторических процессов, мотивируя это тем, что «история, в конечном счете, имеет тот смысл, который ей приписывает философия» (см., например: [Арон, 1960. С. 120; Gardiner, 1965. P. X–XI]).

Чего только стоят заявления специалистов в области философии истории относительно того, что «историк стремится заниматься прошлым и только прошлым», «не делает прогнозов и не заглядывает в будущее» и «неодобрительно относится к мысленному эксперименту в истории». Зато, если верить философам, точка зрения философии истории «является более широкой, чем точка зрения истории». Даже настоящее в философии истории, оказывается, «существенно шире, чем настоящее историка», так как представление о нем «вырастают в первую очередь из системы гуманитарного знания, далее из целостной системы всей современной культуры». Тем самым философия истории, по их мнению, «придает реальной истории недостающие ей ясность и схематичность» [Барбашина. С. 229; Ирвин. С. 32].

Впрочем, сомнения в познавательных возможностях исторической науки далеко не новы. Еще на рубеже XIX–XX вв. они были озвучены в «философии жизни» немецкого философа и историка культуры Вильгельма Дильтея (1833–1911) и в работах создателей баденской школы неокантианства Вильгельма Виндельбанда (1848–1915) и Генриха Риккерта (1863–1936). Выступив против позитивистской теории познания, они обратили внимание на специфику гуманитарных знаний с точки зрения неустранимости субъективного момента из процесса исторического познания.

Конечно, теоретическая «агрессивность» современной философии истории вполне объяснима, учитывая постмодернистский вызов, отказывающий философскому исследованию истории в способности к построению связных концепций исторического развития. Кроме того, представителей философии истории возмущает сведение ее дисциплинарного поля к одному из разделов теории познания. Однако подобная же жесткая позиция в отношении исторического цеха вряд ли облегчит установление диалога.

Справедливости ради следует заметить, что и со стороны отдельных представителей исторической науки нередко выдвигаются претензии на парадигмальность истории в отношении гуманитарных и

социальных наук. Этому способствует то обстоятельство, что на современном этапе область философии истории характеризуется разнонаправленными, а зачастую и взаимоисключающими тенденциями. Более того, на всем протяжении XX в. ряд тем, традиционно находившихся в ведении философии истории, постепенно перешел к другим областям гуманитарного знания. Выход из создавшегося положения представителями философии истории видится, прежде всего, в необходимости избегать расширительного толкования данного направления[2]. Философия истории в современном философском знании представлена, главным образом, такими направлениями, как критическая, рефлексивная и аналитическая философия истории, для которых характерен значительный разброс философско-исторических построений. Если критическая философия истории представляет собой, по сути, философию исторического знания, а рефлексивную интересует историческое сознание, то аналитическая философия истории обращает свое внимание на строение исторических эпох и событий [Барбашина. С. 229].

Доминирование аналитической традиции в философии (см. рис. 1.1) продолжалось до 1970-х годов, но с приходом постмодернизма сформировалась так называемая «новая философия истории», напрямую связанная с «лингвистическим поворотом». Несколько упрощая, можно сказать, что суть «лингвистического поворота» состояла в переходе от «говорения» о реальности к «говорению о говорении». В исторической науке это выразилось прежде всего в установлении взаимоотношений между уровнями «принуждения опытом» и «принуждения языком». Уровень «говорения о говорении» предполагает наличие в историописании различных «языков» для рассуждения об исторической реальности. То есть представления о прошлом часто имеют происхождение не в установленном историческом факте, а в языке, используемом историком [Доманска, 2010. С. 10–11].

[2] Действительно, сегодня понимание философии истории довольно вариативно. Некоторые авторы рассматривают ее как фрагмент (пусть и существенный) более широкой истории цивилизации, духа или культуры. К расширительному толкованию относятся различные варианты рассмотрения философии истории как поля для приложения различных моделей и пространства философских исследований вообще, к примеру, как история идей, понятий, проблем, ценностных установок или познавательных ситуаций.

Рис. 1.1. Основные направления аналитической философии истории второй половины XX в.

Как «соединение» постструктурализма французского философа и историка Мишеля Фуко и деконструкции его соотечественника, философа и теоретика литературы Жака Деррида, постмодернизм основное внимание обращает на отношение слов и вещей, выражаемое в форме речевых практик (дискурсов) и на обнаружение культуры письма. При этом последняя не может быть выражена в строгих понятиях, поскольку источник не подчиняется принципу «бытия как присутствия», а воплощает в себе принцип различия и инаковости. Деконструкция текстов выводит на создание отдельных историй, в основе которых лежит описание. При этом каждый вправе составить из этих фрагментов свой коллаж. Тем самым история как система научных знаний отвергается вообще и заменяется множеством виртуальных историй-рассказов (подробнее см.: [Соколов, 2002. С. 316–320]).

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)